

Дмитрий
КАЗУТИН

мерцанием солнечных бликов на речной волне, не только летней прохладой пустынных улиц утреннего города. И все же, и все же...

В «Ленинградской правде» от 21 июня 1941 года была опубликована такая вот заметка: «Воздушные прогулки. Завтра в 9 часов утра в Москву на скоростном самолете «ПС-84» отправляется первая группа экскурсантов. Экскурсия организована Дворцом культуры имени С. М. Кирова. Ленинградцы посетят Мавзолей В. И. Ленина, Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, осмотрят метро». Не одного меня беспечно радовала в те дни прохладная тишина летних рассветов.

Был зимний день в Ленинграде. Солнечный, морозный, но ветренный. Город студено дымился, и ветер все время сдувал этот белый дым. Мы приехали на Пискаревское кладбище. Я медленно шел

трещащего барабаном механического чудовища, которое давило все чувствующее, все живое. Кто мог противостоять ему?

Могли. Вот три письма Петра Николаевича Владимировича, старшего работника завода «Металлист». Они опубликованы в альбоме фотодокументов «О подвиге твоём, Ленинград».

Первое от 21 февраля 1942 года: «Сомной благополучно, сильно ослаб. Папашу схоронил 30.XII-41, умер от истощения. Пищи на завод, так как почта почти не работает. Дети Ивана умерли оба... У меня очень трудно, но выходить из положения буду. Работая по-прежнему».

Второе от 24 сентября 1942 года: «Моя жизнь протекает не совсем спокойно, но я обязан быть на своем посту до конца, я продолжаю работать даже с еще большей нагрузкой. Работы много, даже не хватает дня. В нашем положении только упорной работой можно что-либо достигнуть... Наступает зима, она несет немало трудностей, организм ослаблен, а тут еще приходится лишнюю энергию тратить на согревание. На заводе будут неплохие условия работы, но вот дома хуже... Вместо стекла — фанера, вместо электрического света — коптилка, вместо водопровода — ведро... К тому же во всей квартире я остался один... Но для того у человека и разум, чтобы найти выход из любого положения».

Третье от 19 января 1943 года: «Для нас наступил радостный день 18 января. Кольцо блокады под натиском нашей армии лопнуло. Этот день принес нам и радость, и волнения, и слезы... Невольно вспомнился прошлый тяжелый год. Я никогда не забуду все пережитое. Лида, ты не представляешь, что значит смерть от истощения! Это слишком тяжелое зрелище. У меня не стало шести человек родных. Только сжималась от боли грудь, когда бросал последний взгляд на родную мать или отца... Я их хоронил, сам почти в таком же положении, т. е. на пороге между жизнью и смертью... Что сказать, толщина рук и ног дошла до толщины костей. Человек был скелетом, обтянутым кожей. Вот такая невольная

встает сейчас картина, особенно в такой радостный день».

8 ноября 1941 года Гитлер публично утверждал: «Тот, кто прошел от границы до Ленинграда, может пройти еще десять километров и войти в город. В этом нельзя усомниться. Но в этом нет нужды. Город окружен, никто никогда его не освободит, и он будет в наших руках».

2 июля 1942 года «Ленинградская правда» сообщила: «В Ленинград доставлена на самолете партия Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Публичное исполнение ее состоится в Большом зале филармонии».

Обстоятельства этого беспримерного в истории мировой музыки концерта хорошо известны. Известно, что многие музыканты оркестра пришли к своим попугаям из окопов. Известно, что ленинградские артиллеристы не дали фашистам сорвать концерт. Но все-таки мы смотрим в дни войны из дней удаленного теперь уже на тридцать лет мира, и многим из нас, вероятно, как и мне, нелегко представить, как внимали Седьмой симфонии, ее страстной проповеди красоты, разума и человечности, ее скорбным раздумьям о павших, ее призывам к мужеству и дальнейшей борьбе, ее пророчествам победы те, кто пережил первую и самую трудную блокадную зиму.

Алексей Толстой писал тогда в «Правде»: «Седьмая симфония возникла из союзов русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую минуту его бедствий и испытаний».

Сам же Дмитрий Шостакович сказал о своем сочинении с истощающей краткостью: «Поэма о нашей борьбе, о нашей грядущей победе».

Поэма о нашей борьбе... Наша борьба началась задолго до того дня, когда в Ленинграде взвыли сирены первой воздушной тревоги. Эпиграф к истории этой борьбы высечен на одном из камней Марсова Поля — первого красного пантеона:

СЕДЬМАЯ

Начну с воспоминаний: «Сегодня вечером с Ю. Кочуровым, Г. Поповым и А. Пейсиным ездил к Шостаковичу на улицу Скороходова. Он дважды сыграл нам две части своей новой, Седьмой симфонии. Рассказывал о планах дальнейшего. Впечатление у всех огромное. Удивительный пример синхронной, даже, можно сказать, «мгновенной» творческой реакции на переживаемые события... Во время исполнения был налет. По предложению автора не прерывали «муцирования».

Это не мои воспоминания. В тот вечер, когда в ленинградской квартире великого композитора трагически и грозно рокотал рояль, мы, московские школьники, возили картошку на колхозный двор в небольшой деревушке под Рязанью. Воспоминания же принадлежат музыканту В. М. Богданову-Березовскому. Это его дневниковая запись от 17 сентября 1941 года.

Внести чужую запись в свою память мне разрешил Ленинград. Он удивительный в этом смысле город. Не только камни, но, кажется, самый воздух его пронизан магнитным полем народной памяти. Здесь было сказано однажды, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» и что «не уважать оной есть постыдное малодушие». А уж Ленинграду-то невозможно отказать в мужестве, как невозможно отказать в красоте.

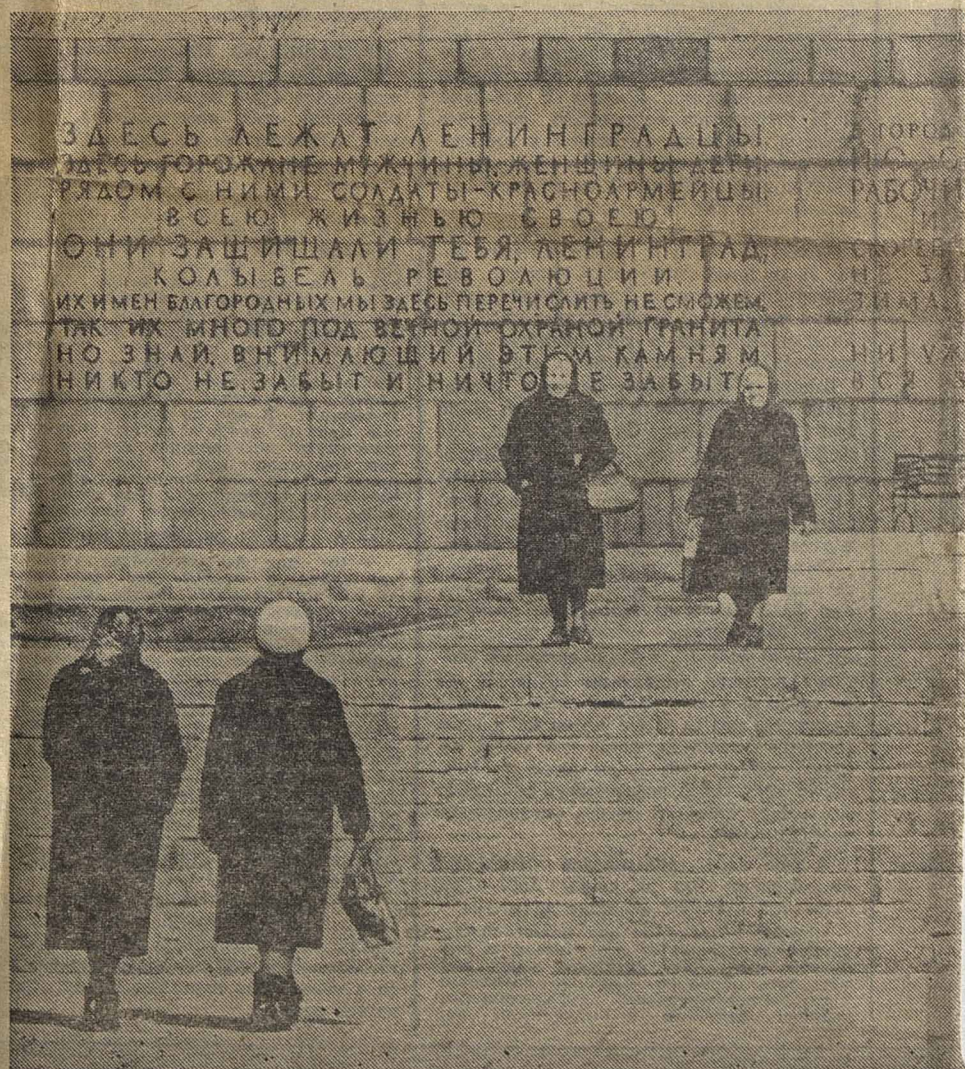
Я осторожно опускаю адаптер проигрывателя на блестящий черный лак вращающийся диск. В комнату вступают начальные звуки симфонии, и я снова слышу, как поет довоенная жизнь. Та жизнь, с которой связаны первые впечатления собственного бытия, самые прозрачные и самые безмятежные. Позднее я узнал, что та жизнь была не только

вдоль огромных, припорошенных снежком прямоугольных предметов, напоминающих плоские крыши неизвестных мне подземных сооружений. Умом я понимал, что означают эти предметы. Но мозг воспринимал их отстраненно.

В каком-то странном состоянии, будто под гипнозом или во сне, я все шел и шел между ними, а они все не кончались. Я не чувствовал ничего, кроме пронизывающего холода. Наконец я добрал до ступеней и поднялся к стене. На стене были крупно начертаны всемирно известные слова:

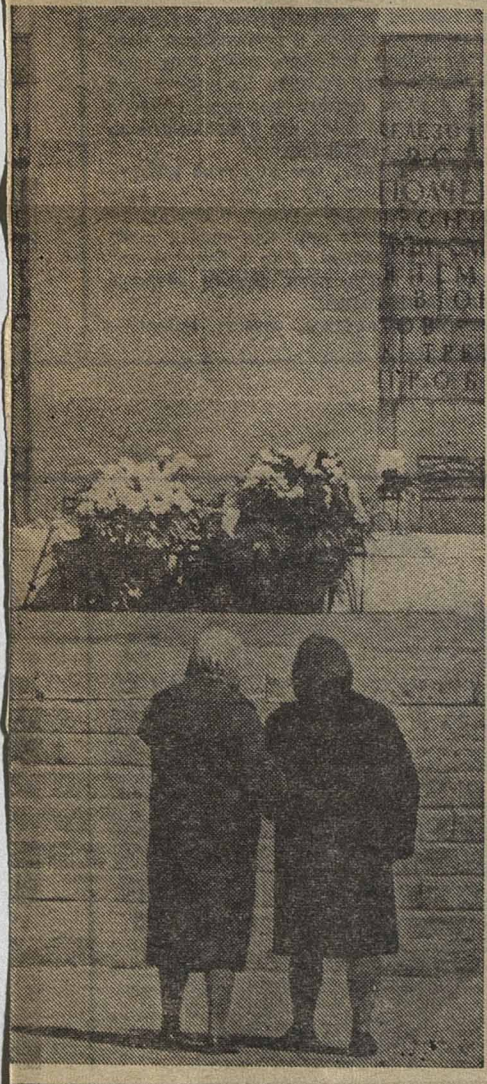
**НИ ОДНОЙ ВАШЕЙ ЖИЗНИ,
ТОВАРИЩИ, НЕ ПОЗАБЫТО.
ПОД НЕПРЕРЫВНЫМ ОГНЕМ С НЕБА,
С ЗЕМЛИ И С ВОДЫ
ПОДВИГ СВОЙ ЕЖЕДНЕВНЫЙ
ВЫ СОВЕРШАЛИ ДОСТОЙНО
И ПРОСТО,
И ВМЕСТЕ С ОТЧИЗНОЙ СВОЕЙ
ВЫ ВСЕ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ.
ТАК ПУСТЬ ЖЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ
БЕССМЕРТНОУ ВАШЕЙ
НА ЭТОМ ПЕЧАЛЬНО.
ТОРЖЕСТВЕННОМ ПОЛЕ
ВЕЧНО СКЛОНЯЕТ ЗНАМЕНА НАРОД
БЛАГОДАРНЫЙ,
РОДИНА-МАТЬ И ГОРОД-ГЕРОЙ
ЛЕНИНГРАД.**

Говорят, что кладбище — классическое место для философского раздумья. Не знаю. На Пискаревском кладбище мой рассудок молчал, и только в памяти гремела, нарастая, железная поступь огромного, дующего в дьявольскую дудку и

СИМФОНИЯ

**ПО ВОЛЕ ТИРАНОВ
ДРУГ ДРУГА ТЕРЗАЛИ
НАРОДЫ.
ТЫ ВСТАЛ, ТРУДОВОЙ
ПЕТЕРБУРГ,
И ПЕРВЫЙ НАЧАЛ ВОЙНУ
ВСЕХ УГНЕТЕННЫХ
ПРОТИВ ВСЕХ УГНЕТАТЕЛЕЙ,
ЧТОБ ТЕМ УБИТЬ
САМОЕ СЕМЯ ВОЙНЫ**

Зимой 41-го на Марсовом поле стояли зенитки. Они защищали и эту великую идею, рожденную в революционном Петрограде. Теперь на Марсовом поле гуляют мамы с детьми, а вокруг в свете зимнего солнца торжественно и стройно высится великий город, хранящий память о многих великих делах и великих людях.

Хранит благородную память площадь Декабристов.

О самоотверженности и великой преданности свободолюбивым идеалам помнят каменные мешки Петропавловской крепости.

Горда своей памятью Дворцовая площадь, через которую пролегал великий рубеж времен.

Этот город всегда знал то слово, которое должно сказать своей стране, а порой и всему миру. Слово поэта. Слово ученого. Слово революционера.

Этому городу всегда было что помнить и что защищать. Не потому ли враг никогда не ступал по его священным камням?

Из всех памятников Ленинграда я выбрал один — нерукотворный, звучащий и каждый раз вновь возникающий в этом звучании. Памятник Человеку, победившему железную бесчеловечность фашизма, — Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича, посвященную городу Ленинграду.